

Попав в просторную и уютную гримёрку Жун И, Цюй Хайяо обнаружил, что Ло Бэй уже принёс обед, причём, очевидно, на всех их компанию. Цюй Хайяо с удивлением посмотрел на Жун И, выражение его лица говорило о том, что он готов был подскочить и проверить, не выросли ли у Жун И крылья за спиной.

— Учитель Жун, ты уже планировал позвать меня сюда на обед?

В этот момент Жун И, как руководитель, осматривал блюда, которые принёс Ло Бэй. Увидев две порции куриных лапок на пару, он с удовлетворением улыбнулся и ответил Цюй Хайяо:

— М-м — лапки не трогай, я съем две порции, остальное ешь сколько хочешь.

Оказывается, Жун И любит куриные лапки — Цюй Хайяо запомнил эту информацию, одновременно глядя на Жун И блестящими глазами:

— Учитель Жун, вы... так мудро всё продумали!

На самом деле он хотел сказать «заранее спланировал», но вовремя остановился, понимая, что это звучит неправильно. Жун И поднял бровь, словно видя его насквозь, и Цюй Хайяо почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Во время обеда атмосфера была приятной. В гримёрке играла музыка — разные жанры, на разных языках, включая саундтреки к фильмам. Цюй Хайяо спросил Жун И о том, как он получил травму во время съёмок «Узора свернувшегося дракона». Жун И рассказал о происшествии вскользь, больше сосредоточившись на технике съёмок сцен с верховой ездой.

Цюй Хайяо был не глуп и заметил, что в частной обстановке Жун И относится к нему гораздо мягче, чем на съёмочной площадке. Однако сейчас его это не слишком волновало, так как его мысли были заняты другим.

— Э-э... учитель Жун, я давно хотел вам сказать, но всё не мог найти подходящего момента... — закончив обед, Цюй Хайяо наконец решил серьёзно поговорить с Жун И. Хотя он долго думал, как начать, в итоге пришёл к выводу, что лучше всего говорить прямо.

— Ну, на самом деле, момент был, просто... вы знаете, я... немного вас боюсь.

Жун И, который съел две порции куриных лапок, казалось, был в прекрасном настроении. Услышав слова Цюй Хайяо, он лишь лениво откинулся на спинку стула и посмотрел на него.

— Я потом подумал и понял, что... вы знаете о маркетинге моей компании, да? Я сам понимаю, что это сплошной пиар. Я... просто боюсь, что вы будете мной пренебрегать.

Говоря это, Цюй Хайяо почувствовал себя подавленным. Его лицо то краснело, то бледнело, словно цветущий гладиолус. Он украдкой взглянул на Жун И, но тот сидел спокойно и невозмутимо, словно слова Цюй Хайяо и пиар компании «Хуэйсин» не производили на него никакого впечатления. Цюй Хайяо подумал, что Жун И выглядит так красиво... сидя в тишине, он напоминал картину, на которой изображена гора — величественная и прекрасная, не поддающаяся никаким бурям.

Из колонок раздался чистый звук гитары, сопровождаемый мягким голосом мужчины, который пел словно странствующий поэт:

«Однажды летней ночью, прежде чем я получил то, что хотел, мне сказали: „Дитя, учись

терять...“»

Цюй Хайяо почувствовал в этой спокойной уверенности силу. Он почесал голову, глубоко вздохнул и продолжил:

— Но, как вы мне сказали, всё это из-за того, что я слишком слаб и постоянно всех торможу. Если я перестану быть обузой, то даже если компания продолжит пиариться, я не буду чувствовать себя так неуверенно, как раньше. Ну, не то чтобы сейчас я чувствовал себя уверенно, просто теперь я понимаю, что бояться бесполезно. Если я не стану сильнее, то всегда буду перед вами прятаться, а это как-то неловко.

— Хм, — наконец отреагировал Жун И.

Он холодно посмотрел на Цюй Хайяо:

— Неловко?

Его глаза скользнули вверх и вниз:

— Простите, не заметил.

— Пффф! — Ло Бэй не сдержался и фыркнул.

Жун И бросил на него взгляд, и он тут же выпрямился, словно солдат, ожидающий приказа.

— Не шути со мной. Ты сам знаешь, что тебе нужно делать. Твой мечтательный титул «Восьмикратного КиноИмператора» уже закрепился в моей памяти.

— Нет-нет-нет-нет! — Цюй Хайяо чуть не вспотел. — Учитель Жун, профессор Жун, председатель Жун! Можете ли вы пощадить мою жизнь? Это были всего лишь пьяные слова, пожалуйста, не принимайте их всерьёз! Накажите меня как угодно, но давайте забудем об этом, хорошо?

— О, нет, как можно? — Жун И говорил почти с насмешкой. — Я жду, когда мой «Восьмикратный КиноИмператор» возвысится надо мной и растопчет меня. Не могу же я мешать вашему светлому будущему.

Ассистенты, которые не знали о том, что произошло в ту ночь в «Фэндан Жуйя», всё же почувствовали сарказм в словах Жун И. Все сдерживали смех, особенно Ло Бэй, который, казалось, вот-вот разразится хохотом. Жун И бросил на него недовольный взгляд. Столкнувшись с настоящим КиноИмператором, который начал вспоминать прошлое, мечтательный КиноИмператор Цюй Хайяо готов был, чтобы Жун И просто отпустил его, как пустой звук. Его лицо покраснело, как у Гуань Юя, и он уже собирался удариться головой о пол, чтобы искупить вину, но Жун И остановил его.

— Хватит. Если ты действительно добьёшься этого, я, как отжившая волна, с радостью вручу тебе награду.

Он цыкнул, видя, как Цюй Хайяо ёрзает:

— Дорога в тысячу ли начинается с первого шага. Если хочешь стать КиноИмператором, сначала закончи то, что начал.

Он нахмурился, глядя на тарелку:

— Ты оставил ананас, чтобы я его доел?

Цюй Хайяо посмотрел на тарелку. Он вообще не любил ананас, и в блюде «ананас с креветками» он его не трогал. Он с сомнением посмотрел на ананас, затем на Жун И и взмолился:

— Я не люблю ананас, можно не есть?

Сегодняшний ананас был довольно кислым и, похоже, не очень свежим. Хотя Жун И не был против ананаса, этот явно не вызывал у него аппетита. На его губах появилась лукавая улыбка, и он поднял бровь:

— Как интересно, я тоже не люблю ананас, но я не люблю и выбрасывать еду...

Он посмотрел на Ло Бэя, который всё это время вёл себя слишком вольно:

— Пусть тот, кто любит ананас, доест его. Ло Бэй, давай, съешь весь ананас!

Среди стонов и протестов Ло Бэя, который неохотно подчинился приказу, Цюй Хайяо понял одну вещь: Жун И, хоть и добрый человек, но действительно злопамятен.

Он почувствовал, что титул «Восьмикратного КиноИмператора» ещё долго не выветрится из головы Жун И.

Доктор Се больше не приходил делать Цюй Хайяо физиотерапию. Его травма теперь находилась в стабильном состоянии: хотя боль и опухоль ещё сохранялись, они были терпимыми, и он мог нормально двигаться. Цюй Хайяо чувствовал, что его жизнь становится всё более комфортной, и съёмочный процесс, как его личный, так и всего коллектива, шёл всё лучше.

Сейчас съёмки перешли на завершающую стадию, и группа переехала на натурные съёмки. Условия здесь, конечно, не сравнить с киностудией, особенно учитывая, что сейчас была зима, а в южных горах не было отопления. Все мёрзли, одетые в тонкие костюмы.

Линь Ци, приехав навестить Цюй Хайяо, привёз ему новый согревающий пластырь. Это был маленький прозрачный пластырь, похожий на импульсный, но он нагревал место, к которому его приклеивали, и был незаметен под костюмом.

— Что за чудо техники! — воскликнул Цюй Хайяо, попробовав пластырь.

Линь Ци с гордостью ответил:

— Я специально заказал его из Японии. Хотя он не очень популярен на рынке, но идеально подходит для актёров на съёмках.

— Прекрасно! Линь Мо, ты просто мой спаситель! — радостно воскликнул Цюй Хайяо, собираясь обнять Линь Ци, но резкое движение вызвало боль в лодыжке, и он скривился, как будто снимался в меме.